

9751

2561

до и ну

ПРОВЕРЕНО 1981 г.

МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО 1981 г.

ПРОВЕРЕНО 2000 г.

Тюремная реформа и тюремовѣдѣніе.

Вступительная лекція, прочтенная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 8-го января 1874 года.

Надняхъ исполнилось сто лѣтъ событію, поразившему въ свое время Европу. Человѣкъ, имѣвшій полную возможность жить комфортабельно, по натурѣ своей чрезвычайно впечатлительный и избѣгавшій всякихъ сильныхъ ощущеній, бросившій изъ-за нихъ занятіе, которое ему было завѣщено отцомъ, занимавшій въ своей странѣ видное мѣсто начальника графства, бедфордскій шерифъ Джонъ Гауардъ спускается въ мѣста, которыя общество заклеимило названіемъ мѣсть грязи и высшей степени разврата, мѣста, отрѣзанныя отъ остальнаго міра, обитатели которыхъ имѣли лишь право прозябать, а не жить. Заглядываль онъ въ нихъ не мелькомъ, а оставался тамъ по-долгу, и кончилъ тѣмъ, что поставилъ задачею всей своей жизни служеніе грязному, заброшенному, забытому классу ихъ обитателей. Преслѣдуя эту задачу, Гауардъ былъ застигнутъ смертию при исполненіи ея и умеръ на южномъ берегу нашего отечества.

Потомство не забыло этого дѣятеля. Не одни монументы изъ мертваго камня и металла, а живые монументы человѣческихъ дѣлъ уже успѣлъ стяжать онъ. Съ именемъ его связаны многія полезныя начинанія нашего времени, оно извѣстнѣе цивилизованному міру всякаго другаго, дѣти Англіи и Америки лепечуть его какъ только начинаютъ говорить, подъ знамя его стали сотни благотворительныхъ и общепользныхъ

2745/6 к.ч.п.

Д
257

учрежденій, дѣйствующихъ до сихъ поръ. Но чѣмъ же объясняется такая мировая извѣстность? Тѣмъ ли только, что, по словамъ одного изъ біографовъ его, Гауардъ былъ великій филантропъ, замѣчательный другъ человѣчества, посвятившій себя несчастнымъ и угнетеннымъ? Тѣмъ ли только, что «имя Гауарда стало синонимомъ филантропіи»?—Едва ли. Человѣколюбіе—качество въ высшей степени похвальное и характеризуетъ лицо высоко развитое, стоящее выше будничныхъ дразгъ. Но филантропъ искренній не нуждается въ извѣстности и рѣдко пріобрѣтаетъ ее; его награда—внутреннее сознаніе сдѣланнаго имъ добраго дѣла. Сообщить же представителю его такую извѣстность, какою пользуется Гауардъ, окружить его имя ореоломъ славы и міроваго уваженія, человѣколюбіе можетъ только тогда, когда имъ вызвано великое открытіе въ порядкѣ социальной жизни, когда носитель его облегчилъ человѣчеству прогрессъ цивилизаціи—указаніемъ ли цѣлей социальной дѣятельности, или путей осуществленія ихъ. Эту именно сторону представляетъ дѣятельность Гауарда; филантропія, человѣколюбіе, были только мотивомъ ея, мотивомъ, разумѣется, совершенно искреннимъ; но она не ограничилась реализаціей этого внутреннего чувства по проложеннымъ прежде тропинкамъ, она выбрала новый предметъ для своей работы, новыя средства осуществленія, она оперлась на глубокой интеллектуальный анализъ существующаго и преслѣдовала свою цѣль торжественно и просто, сумѣвъ склонить даже пассивныя элементы человѣчества на свою сторону. Въ этомъ-то и лежитъ величіе Гауарда. Въ доказательство высказаннаго, я попрошу васъ прослѣдить со мною, чѣмъ была тюрьма до Гауарда, чего потребовалъ отъ нея этотъ замѣчательный челоѣкъ и какою она стала, благодаря усиліямъ множества дѣятелей, которые принялись за работу благодаря почину Гауарда.

Какъ извѣстно, наказаніе прежде носило характеръ мести, сперва частной, затѣмъ публичной, государственной. Преступникъ считался отверженцемъ общества, его отрѣзаннымъ ломтемъ. Сознаніе, что наказаніемъ можетъ быть одно лишеніе свободы на болѣе или менѣе продолжительный срокъ времени,

еще не успѣло укрѣпиться въ умахъ людей. Блага личности были дешевле, къ лишенію свободы требовалась особая прибавка, чтобы сдѣлать его наказаніемъ. Прибавка эта и имѣла своею задачею, аналогично другимъ наказаніямъ того времени, напр. смертной казни, примѣнявшейся весьма щедро, лишенію чести, членовредительнымъ карамъ, клейменію и т. п., выдѣлать наказываемаго изъ остальнаго общества, сдѣлать ему невозможнымъ доступъ къ нему. Даже болѣе: само лишеніе свободы представлялось простою прибавкою къ мѣрамъ этого рода. Какъ мѣру самостоятельную, ее примѣняли очень рѣдко, въ экстраординарныхъ случаяхъ. Характеристическимъ выраженіемъ этого взгляда, господствующаго со всею силою во всей западной Европѣ до гауардовскаго періода, остались дѣйствующія до сихъ поръ постановленія нашего законодательства. По мысли уложенія о наказаніяхъ самыя тяжкія карательныя мѣры, извѣстныя ему, каковы каторжныя работы, ссылка на поселеніе, заключеніе въ арестанскія отдѣленія и т. п., составляютъ лишь добавку лишенія правъ, какъ главнаго наказанія, какъ мѣры предназначаемой для того, чтобы отрѣзать преступника отъ общества, поставить между ними неодолимую соціальную пропасть. Пожизненность каръ — необходимый логическій результатъ этого взгляда; лишеніе свободы можетъ быть и непожизненнымъ, потому что оно составляетъ лишь простую прибавку, но лишеніе правъ и чести сопровождаетъ наказаннаго до гробовой доски. Взглядъ этотъ не могъ не отразиться и на характерѣ тюрьмы того времени. Узника требовалось отдѣлить отъ общества, — вотъ ея единственная задача; отсюда — тяжелыя цѣпи, высокія стѣны, толстыя двери; отрѣзывая арестанта, тюрьма не заботилась о возвращеніи его обществу; напротивъ, она употребляла всѣ усилія, чтобъ и по освобожденіи арестантъ не попалъ снова въ общество: отсюда — волчій паспортъ, клейменіе, лишеніе чести; она не могла заботиться объ участи своего населенія; полнѣйшее пренебреженіе къ нему, къ его судьбамъ — ея характеристическая черта. Важно только, чтобъ между арестантомъ и обществомъ была поставлена стѣна, пе-

решагнуть которую было бы выше его силъ. Здоровье арестанта, его нравственность, его чувство стыдливости,—все это было совершенно чуждо до-гауардовской тюрьмѣ. Узники, за рѣдкими исключеніями, которыя находили свое единственное объясненіе въ соображеніяхъ безопасности, заключались въ общія залы, или, вѣрнѣе, въ общіе подвалы, плесень которыхъ одинаково служила постелью для мужчинъ и женщинъ, холодъ которыхъ былъ единственнымъ покрываломъ для закаленного въ преступленіяхъ борца и для неопытнаго юноши, осужденнаго за неуплату двухъ-копѣчной пошлины ¹⁾). Помѣщалось въ эти подвалы столько, сколько приводилось въ тюрьму; приходилось ли узникамъ спать другъ-на-другъ, или мѣста имъ оказывалось достаточно, — всё эти соображенія нисколько не интересовали ни законодательство, ни общество того времени. Безотрадное дантовское «*lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*», встрѣчало узника въ самыхъ воротахъ тюрьмы, господство силы и произвола окружало его каждую минуту, никто о немъ не заботился. Тюрьма стала раздражать, остервенять арестантовъ противъ общества, сдѣлалась источникомъ не только нравственныхъ, но и физическихъ болѣзней, и навсегда соединила свое имя съ самою страшною изъ нихъ. Приведу нѣсколько доказательствъ изъ отечественной исторіи Гауарда. По свидѣтельству Стоу, въ 1414 году отъ тюремной лихорадки умерли 64 арестанта Нью-Гѣта, сообщивъ эту болѣзнь смотрителю и многимъ надзирателямъ, для которыхъ она также кончилась смертельными послѣдствіями. Въ 1579, отъ той же болѣзни умерли сто заключенныхъ въ тюрьмѣ суда королевской скамьи. Нерѣдко эта болѣзнь переступала стѣны тюрьмы и начинала косить свободное населеніе. Въ хроникѣ Бекера подъ 1577 годомъ записано о происходившихъ тогда ассизахъ въ оксфордскомъ замкѣ, названныхъ «черными ассизами», потому что всё присутствовавшіе на нихъ, именно главный судья, шерифъ и около 300 другихъ лицъ умерли въ теченіе 40 часовъ. Бэконъ приписываетъ это тюремной лихорадкѣ,

¹⁾ Дѣйствительно случившійся фактъ, упоминаемый Векстономъ.

которою публика заразилась отъ судившихся арестантовъ. Подобное же явленіе повторилось при ассизахъ 1730 въ Таунтонѣ и въ 1750 въ самомъ Лондонѣ. Это положеніе вещей создало даже особую административно-законодательную терминологию; одинъ изъ законодательныхъ памятниковъ Германіи, также отдавшей свою дань этому порядку вещей, именно Bambergensis 1507, не говоритъ: «заключить въ тюрьму», а «положить въ тюрьму» (ст. 245: «die um reinlichen Sachen in Gefängnissen liegen) и это выраженіе дѣйствительно весьма близко къ характеру тогдашняго тюремнаго содержанія. Словомъ, арестантъ былъ совершенно заброшеннымъ существомъ, и только деньги, которыми онъ легально подкупалъ тюремнаго смотрителя, способны были доставить ему различныя льготы.

Такою-то нашелъ тюрьму Гауардъ. Воспитанникъ вѣка естественнаго права, въ воздухѣ котораго носились благородныя имена Томазія и Пенна, глубоко пропитанный началами христіанскаго ученія о любви къ ближнему, одаренный къ тому же натурою въ высшей степени впечатлительною, Гауардъ прежде всего обратилъ вниманіе на безчеловѣчность содержанія узниковъ. Ставъ на почву филантропіи, онъ потребовалъ признанія за арестантомъ общечеловѣческихъ правъ, которыхъ ему не даетъ и не можетъ отнять государство. Онъ протестуетъ во имя челоуѣколюбія противъ напрасныхъ стѣсненій узниковъ, онъ требуетъ для нихъ удобосѣдомой пищи, здороваго жилища и нравственно-религіозной заботы о спасеніи ихъ душъ. Конечно, не въ первый разъ былъ высказанъ этотъ протестъ, не въ первый разъ поднялся сострадательный голосъ для облегченія участи заключенныхъ. Попытки этого рода мы встрѣчаемъ уже у евреевъ и въ ранніе вѣка христіанства. Начавъ съ заботъ о матеріальномъ положеніи и защитѣ отъ кары своихъ единовѣрцевъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ за принадлежность къ религіи мира, любви и общаго братства, христіане возвели скоро эти заботы въ общее правило для всѣхъ заключенныхъ, и на никейскомъ соборѣ 325 года ими былъ созданъ институтъ procuratores pauperum, которымъ между прочимъ было поручено посѣщать тюрьмы, ходатай-

ствовать объ освобожденіи невинныхъ, а другихъ, даже недостойныхъ освобожденія, снабжать пищею, одеждою и всѣми мѣрами судебной защиты. Средневѣковая исторія Италіи предлагаетъ множество аналогическихъ попытокъ, въ послѣдовательномъ ходѣ которыхъ любопытно наблюдать законъ перехода этихъ функцій отъ церкви къ обществу и государству. Уже въ XVII ст., по памятникамъ 1641, мы встрѣчаемъ въ Генуѣ должности *Protectori e avvocati de'poveri carcerati* и *protectori de'carcerati della mala paga* (несостоятельныхъ), совершенно независимыя отъ корпораціи духовенства. Тоже явленіе мы находимъ въ Миланѣ, *Congregatio protectorum carceratorum* котораго, вызванная къ жизни еще Карломъ V въ 1541 году, имѣла высшій попечительный надзоръ надъ всѣми миланскими тюрьмами и ревностно заботилась о выработкѣ рациональныхъ началъ тюремнаго содержанія. Подобныя же явленія мы встрѣчаемъ въ исторіи Франціи; первоначально и здѣсь филантропическая дѣятельность имѣла религіозный характеръ, обнимая своими благодѣтельными мѣрами только лицъ духовнаго состоянія. Но уже Францискъ I въ 1535 далъ точныя правила о посѣщеніи всѣхъ заключенныхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго состояній и встрѣтилъ ревностнаго послѣдователя въ Генрихѣ II. Какъ бы то ни было, но всѣ филантропическія мѣры прежняго времени или имѣли случайный характеръ, примѣняясь по поводу какого-либо экстраординарнаго явленія, напр. брака представителя государства, рожденія дѣтей, и т. под., или были заключены въ тѣсныя предѣлы какой-либо маленькой мѣстности, затрогивали лишь ничтожную крупицу интересовъ, имѣя поэтому весьма незначительный кругъ дѣйствія и ничтожную сумму опыта, на который онѣ опирались. Заинтересовать значительную часть человѣчества филантропическою дѣятельностью относительно тюремъ, поставить её общимъ образомъ, стало возможнымъ лишь съ того момента, когда человѣчество услышало и увлеклось благородными идеями школы естественнаго права. Только благодаря радикальному измѣненію въ направленіи идей, вызванныхъ ею, дѣятельность Гауарда могла принести тѣ грандіозныя

плоды, которые мы собираемъ въ настоящее время. Потому же Гауардъ — реформаторъ одной изъ сторонъ социальной жизни, какимъ онъ былъ (мы это увидимъ дальше), потонулъ въ Гауардъ-филантропѣ. Ему удалось поставить вопросъ тюремной реформы не для одного какого-либо общества, а для всего человѣчества, и господствовавшіе классы во всѣхъ странахъ міра толпами шли подъ знамена, выставленныя увлекательнымъ англичаниномъ. Всюду заботились объ улучшеніи арестантской пищи, о хорошихъ санитарныхъ условіяхъ ихъ жизни, о спасеніи ихъ отъ мукъ загробной жизни. Всѣхъ интересовали заключенные въ тюрьмахъ, независимо отъ причины ихъ заключенія; участіе общественное одинаково распространялось на несостоятельныхъ должниковъ, на подслѣдственныхъ и на осужденныхъ. Достаточный поводъ этому направленію конечно далъ самъ Гауардъ, такъ какъ онъ видимо посвятилъ свою дѣятельность служенію несчастныхъ, угнетенныхъ, не справляясь съ причиною несчастья: его интересовали не только тюрьмы, но и госпитали. Въ своемъ отечествѣ Гауардъ прежде всего нашелъ адептовъ; палата общинъ, которой онъ посвятилъ свое описаніе тюремъ Англій и континентальной Европы, возложила на него порученіе начертать планъ образцовой тюрьмы. Благотворительныя общества, предметомъ заботы которыхъ были тюрьмы, быстро росли въ Англій. Филантропическія идеи Гауарда, нѣсколько позже, нашли себѣ доступъ и на континентъ Европы. Подъ прямымъ вліяніемъ ихъ въ 1819 образовалось королевское общество для улучшенія тюремъ во Франціи; около того же времени образовались подобныя общества въ разныхъ государствахъ Германіи, большею частью по инициативѣ лондонскаго общества. Одинъ изъ членовъ его, дѣятельный Вальтеръ Винингъ, котораго смѣнилъ по смерти братъ его Джонъ, избралъ мѣстомъ своей дѣятельности Россію и нашелъ уже здѣсь подготовленную почву для идей Гауарда. «Общество попечительное о тюрьмахъ» вынесено братьями Винингами на своихъ плечахъ; они входятъ въ переписку съ княземъ Александромъ Голицынымъ, тогдашнимъ генераль-губернаторомъ, объ открытіи отдѣленій этого общества въ различныхъ городахъ, при-

влекаютъ къ участию въ немъ русскую аристократію, и аккуратно сообщаютъ «лондонскому обществу» отчеты о своей дѣятельности. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 27-го февраля 1820 г., Вальтеръ Винингъ сочувственно отзываясь о княгинѣ Мещерской, которая отправлялась ежедневно изъ таврическаго дворца въ петербургскія тюрьмы читать арестанткамъ библию и слѣдила, чтобы всѣ были заняты. Въ другомъ, отъ 26-го іюля, сообщаетъ о той же княгинѣ Мещерской, что она перевела съ англійскаго множество религіозныхъ трактатовъ для употребленія ихъ въ русскихъ тюрьмахъ. Выясненію недостатковъ прежнихъ тюремъ англійскими послѣдователями Гауарда обязана своимъ существованіемъ и тюрьма литовскаго замка, которая въ свое время надѣлала много шума: императоръ Александръ Павловичъ посѣщалъ ее собственноручно. Тогда же, въ наши тюрьмы хотѣли ввести ступальныя мельницы, до сихъ поръ составляющія темное пятно англійскихъ тюремъ, но неизвѣстно какой счастливый случай помѣшалъ осуществленію этой мѣры. Словомъ, филантропическое вліяніе Гауарда далеко не ограничивалось предѣлами его отечества, распространяясь во всѣ страны за рубежи его. Эта широкая дѣятельность, въ которой принимали участіе множество лицъ, скоро выяснила однако, что даже въ видахъ чистой филантропіи заботы о матеріальномъ и нравственномъ улучшеніи участи заключенныхъ во время содержанія въ тюрьмѣ далеко недостаточны; по освобожденіи изъ тюрьмы, бывшій узникъ находился въ гораздо болѣе невыгодномъ положеніи, чѣмъ другія лица, и потому съ одной стороны во время тюремнаго заключенія начали принимать мѣры, которыя должны были облегчить участь арестанта по освобожденіи, переходъ его изъ общества заключенныхъ въ свободное общество, съ другой — образовалось множество обществъ попечительства объ освобожденныхъ изъ заключенія, преслѣдовавшихъ за стѣнами тюрьмы филантропическія задачи. Еще важнѣе было другое послѣдствіе, вызванное челоѣколюбивою дѣятельностью. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что прежняя тюрьма старалась отрѣзать арестанта отъ остальнаго общества. Но эта задача не

достигалась ею и до Гауарда, такъ какъ освобожденные поступали въ среду того же общества, членами котораго они были до заключенія; мѣры, направленные къ тому, чтобы обособить ихъ отъ остальныхъ его членовъ, имѣли въ результатѣ лишь то, что они тѣснѣе смыкались между собою и силою вещей дѣлались болѣе закоренѣлыми преступниками, чѣмъ если бы общество приняло ихъ искренно въ свою среду. Когда же начали получать осуществленіе филантропическія идеи, взглядъ на узниковъ и бывшихъ узниковъ какъ на общественныхъ отверженцевъ даже теоретически сдѣлался невозможнымъ. Но тогда-то и выяснилось важное значеніе тюрьмы, какъ одного изъ звѣньевъ въ длинной цѣпи социальныхъ учреждений, имѣющихъ задачи, выходящія далеко за предѣлы тюремныхъ стѣнъ. На эту именно эпоху падаетъ начало пенитенціарныхъ системъ, берущихъ на себя задачи исправленія заключенныхъ. Я не буду пока останавливаться на развитіи исправительной идеи и на тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя она потерпѣла въ своемъ историческомъ движеніи; замѣчу только, что подъ вліяніемъ ея тюрьма стала средствомъ, дѣйствительнымъ только при соблюденіи извѣстныхъ условій. Безъ нихъ, лучше вовсе не примѣнять тюрьмы, лучше вовсе не наказывать преступниковъ: дурная тюрьма портитъ узниковъ и вкладывается какъ одна изъ весьма дѣятельныхъ силъ въ рядъ факторовъ преступности. Эту сторону вопроса подмѣтилъ еще талантливый Гауардъ, для котораго тюрьма была немислима безъ работы, образованія и заботъ о предупрежденіи вредныхъ вліяній однихъ арестантовъ на другихъ. Онъ, конечно, имѣлъ уже подъ рукою нѣсколько прецедентовъ, дававшихъ фактическую опору его заявленіямъ. Посѣщая тюрьмы континентальной Европы, Гауардъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на римскомъ Casa di Correzione св. Михаила, оконченномъ въ 1735 году папою Клементомъ XII по мысли, еще въ концѣ XVII столѣтія брошенной священникомъ Мобильономъ. Учрежденіе это предназначалось для исправленія павшаго юношества и имѣло своею задачею путемъ воспитанія и образованія сдѣлать полезными для государства тѣхъ, которые были бы

тяжелымъ бременемъ для него, оставаясь необразованными и лѣнтями. Оно опиралось на работѣ заключенныхъ, во время которой они должны были соблюдать строгое молчаніе, и избрало своимъ лозунгомъ: *Parum est coercere improbos poena, nisi probos efficias disciplina* (недостаточно карать злыхъ наказаніемъ, если вы не сдѣлаете ихъ лучшими дисциплиной). Какая громадная разница съ словами отчаянія, вылившимися у Данте! Съ неменьшимъ сочувствіемъ Гауардъ отнесся къ гентскому *Maison de Force*, построенному въ 1772 г. согласно распоряженію Маріи Терезіи по мысли князя Вилена XIII, но еще не оконченному при посѣщеніи Гауардомъ австрійской Фландріи. Близкое сосѣдство трудолюбивыхъ голландцевъ, уже давно введшихъ работу въ свои тюрьмы, дало Вилену XIII возможность выступить съ общей философскою теоріею о причинахъ преступленій, которыя онъ видитъ въ лѣности и отсутствіи рабочихъ привычекъ; согласно этому, онъ предлагаетъ во всѣхъ тюрьмахъ ввести работу, какъ мѣру исправленія арестантовъ, дѣлающею безопаснымъ для общества освобожденіе ихъ изъ-за тюремныхъ стѣнъ къ концу срока судебного приговора. Кромѣ того, гентская тюрьма заботилась о предупрежденіи вредныхъ вліяній однихъ арестантовъ на другихъ. Всѣ эти начинанія были извѣстны Гауарду, который требовалъ отъ тюрьмы пользы общественной, ставилъ ей задачею исправленіе узниковъ и возставалъ противъ тюрьмы, которая приноситъ обществу лишь зло развращеніемъ своего населенія. Съ этою цѣлью онъ настаивалъ на разъединеніи арестантовъ въ ночное время и на постоянномъ надзорѣ за ними днемъ. Осуществленіемъ этихъ мыслей должны были быть два пенитенціарія, планы которыхъ палата общинъ поручила ему приготовить въ 1779 году. Однако, мелкія несогласія относительно частныхъ контуръ, возникшія у Гауарда съ другими членами образовавшейся для того комиссіи, затянули это дѣло на-долго, такъ что только въ 1785 году состоялось распоряженіе о постройкѣ пенитенціарія въ Глочестерѣ, которое не могло быть приведено въ исполненіе раньше 1793 г. Полное разъединеніе узниковъ ночью, распредѣленіе на классы днемъ

и тюремная работа были фундаментальными положеніями этого учрежденія.

Гораздо быстрее идеи Гауарда получили доступъ въ сѣверную Америку, гдѣ почва была для нихъ подготовлена стараніями Пенна, смягчившаго строгости уголовныхъ кодексовъ и вынесшаго изъ Голландіи мысль, что положеніе арестантовъ въ тюрьмѣ должно быть построено на работѣ и нравственномъ исправленіи.

Уже въ 1786 году пенсильванскіе квакеры энергически выступили въ защиту пенитенціарнаго характера тюрьмы, и съ 1790 года, т. е. тремя годами раньше глочестерскаго, былъ открытъ пенитенціарій въ Филадельфій, въ одной изъ улицъ ея, Walnut-Street, которая дала ему свое названіе. Вопросъ о цѣлесообразности этого начала былъ принятъ близко къ сердцу всѣмъ практическимъ населеніемъ сѣверной Америки, въ средѣ котораго скоро выяснились два направленія, предлагавшія различныя тюремныя системы. Одно считало тюрьму опасной до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ полного нравственно-религіознаго перерожденія узниковъ; средствами осуществленія этой задачи, по его взглядамъ, могли быть только одиночная келья и библія. Другое видѣло причину преступленій въ лѣни и привычкѣ къ праздности, и потому единственно рациональною мѣрою тюремнаго содержанія считало пріученіе арестантовъ къ такому труду, который ихъ встрѣтитъ въ обществѣ по освобожденіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ старалось предупредить вредныя вліянія однихъ арестантовъ на другихъ. Такимъ образомъ впервые въ сѣверо-американскихъ штатахъ былъ поставленъ на практическую почву вопросъ о значеніи тюрьмы въ ряду социальныхъ учреждений, имѣющихъ задачею совершенствованіе и безопасность общества.

Между тѣмъ, благодаря крупнымъ событіямъ въ политическомъ мірѣ, вопросъ тюремной реформы въ Европѣ отступалъ на задній планъ. Тщетно Ларошфуко-Лионкуръ силился снова пробудить вниманіе своихъ соотечественниковъ, нарисовавъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ картину филадельфійской тюрьмы, построенной въ Walnut-Street: умы были заняты не тѣмъ. Но

тюремный вопрос поднялся съ новою силою, какъ только полеглись политическія броженія. Новое образованіе создало массу новыхъ потребностей, не успѣвъ еще дать соотвѣтствующихъ мѣръ удовлетворенія ихъ; въ силу этихъ новыхъ условий жизни, общество проявило чрезвычайно сильную наклонность къ преступности, и однѣ тюремныя стѣны старой тюрьмы оказались не въ силахъ доставить ему безопасность. Зло рвалось наружу, рецидивъ увеличивался въ страшныхъ размѣрахъ, тюрьма очевидно болѣе и болѣе становилась школою злодѣяній, тюремная реформа дѣлалась насущною соціальною потребностью. И на этотъ разъ, самый громкій и самый успѣшный кличъ реформы раздался изъ Англіи. Палата общинъ, по настоянію послѣдователей Гауарда, нарядила въ 1811 году комиссію для изслѣдованія состоянія нѣкоторыхъ англійскихъ тюремъ. Результаты оказались самые плачевные: даже въ пентрѣ столицы тюрьма не ушла дальше той картины, которая 30 лѣтъ тому назадъ была нарисована Гауардомъ. Смѣшеніе арестантовъ, самыя безобразныя санитарныя условія, правильно организованная выправка опытныхъ злодѣевъ изъ невинныхъ лицъ, случайно попавшихъ въ тюрьму, и ко всему этому взяточничество смотрителей, ихъ полный произволъ надъ участью заключенныхъ—были далеко нерадостными чертами. Общественное мнѣніе было въ высшей степени напряжено. Въ этотъ-то моментъ, какъ искра въ готовую немедленно воспламенится массу, упала маленькая объемомъ, но богатая результатами брошюра *Бэкстона*, заглавіе которой «Изслѣдованіе, производится ли или предупреждается преступность существующею тюремною системою: ¹⁾ сдѣлалось роковымъ to be or not to be тогдашняго соціального строя. Бэкстонъ рѣшалъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и, отбросивъ всё соображенія филантропіи, которыя могутъ найти отголосокъ только въ мыслящихъ и чувствующихъ одинаково, поставивъ вопросъ тюремъ на почву права и соображеній соціальной

¹⁾ Thomas Fowell Buxton. An Inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline. London, 1816.

экономіи, представилъ математическія доказательства, что тюрьма въ томъ видѣ, какъ она существовала въ его время, не только не приноситъ обществу пользы, но производитъ даже несомнѣнный вредъ. Въ ней онъ видѣлъ одну изъ дѣятельныхъ причинъ преступленій и требовалъ улучшенія ея не во имя челоуколюбія, а во имя общаго интереса. Съ этой минуты, изученіе тюрьмы составило одну изъ частей пенологіи, карательной политики, т. е. той области знанія, которая ставитъ себѣ задачей опредѣлить, какія мѣры наиболѣе удовлетворяютъ правовымъ требованіямъ кары и ближе всего отвѣчаютъ требованіямъ общественной пользы. Заключение несостоятельныхъ должниковъ и другіе виды лишенія свободы, примѣняемые по основаніямъ, лежащимъ внѣ области уголовного права, выдѣлились отсюда и анализъ тюрьмы свелся къ анализу вопроса: какимъ требованіямъ должна удовлетворять тюрьма, чтобы быть мѣрою борьбы съ преступностью. Расшевеливъ соціальные интересы, доказавъ зависимость ихъ отъ себя, тюрьма стала предметомъ самой внимательной заботы народовъ и правительствъ ихъ. Всѣ государства Европы почувствовали потребность оглянуться на свои тюрьмы, и всѣ безъ исключенія должны были сознаться, что это дѣло стоитъ у нихъ весьма неудовлетворительно. Тогда-то глаза всѣхъ обратились на сѣвероамериканскій союзъ, который, повидимому, сумѣлъ успѣшно разрѣшить его. Делегаты главнѣйшихъ государствъ Европы были отправлены для изслѣдованія американскихъ системъ на мѣстѣ. Франція выслала Токвиля и Бомона, затѣмъ Делица и Блуэ, архитектора, оказавшаго важныя услуги тюремному дѣлу своими планами. Изъ Англіи былъ отправленъ Крауфордъ, изъ Пруссіи—д-ръ Юлусъ. Опубликованные ими отчеты и сочиненія заинтересовали все общество. Мало по малу, въ Европѣ начались попытки самостоятельнаго разрѣшенія тюремной реформы, сообразно тѣмъ особеннымъ условіямъ, которыя не имѣютъ мѣста для Америки. Правительственныя коммисіи и съѣзды частныхъ лицъ, интересовавшихся и занимавшихся ею, носившіе нерѣдко международный характеръ, дѣйствовали чрезвы-

чайно энергически, такъ какъ тѣ и другіе поняли, что съ этимъ дѣломъ связаны весьма существенные социальныя интересы.

Таковы тѣ три основныя фазиса, которые прошло отношеніе общества къ дѣлу тюремъ въ историческомъ его развитіи. Тюрьма отверженная, закрытая, на которую общество смотрѣть не хочетъ, о которой оно говоритъ съ омерзешіемъ, мало по малу теряетъ свои грубыя контуры благодаря филантропической дѣятельности: на узника начинаютъ смотрѣть какъ на личность, сохраняющую всѣ человѣческія права, кромѣ тѣхъ, которыя отняты у нея судебнымъ приговоромъ, и заботятся о матеріальномъ и нравственно-религіозномъ его благополучіи. Была даже минута въ исторіи человѣчества, когда филантропическая дѣятельность ударила въ крайность и грозила чрезвычайнымъ увеличеніемъ тюремнаго бюджета; положеніе узниковъ стало не въ примѣръ лучше положенія трудящихся классовъ, въ потѣ лица зарабатывавшихъ кусокъ хлѣба. Тюрьма теряла устрашительный характеръ, поступать въ нее было выгодно. Предъ интересомъ узниковъ начиналъ тускнѣть интересъ общества. Необходимо было уравновѣсить ихъ, за что и взялся политическій періодъ тюрьмы; «политическій» въ томъ смыслѣ, что онъ поставилъ себѣ задачею создать для карательныхъ мѣръ такіе признаки, въ силу которыхъ онѣ удовлетворили бы интересамъ общества и заключенныхъ, какъ будущихъ его членовъ. Остановившись на лишеніи свободы какъ на карѣ, болѣе всѣхъ другихъ удовлетворяющей потребностямъ нашего времени, оно возложило на тюрьму множество задачъ, имѣющихъ окончательною цѣлью борьбу съ преступностью и возвращеніе обществу полезныхъ дѣятелей, а не испорченныхъ лицъ. «Намъ нужны не хорошіе арестанты, а хорошіе люди, даваемые тюрьмою», сказалъ одинъ изъ замѣчательныхъ тюремовѣдцовъ Ирландіи; этотъ запросъ вправѣ предложить своимъ тюрьмамъ каждое общество, каждое правительство. Но изъ этого уже видно, что филантропическій періодъ для тюрьмы не прошелъ бесслѣдно, что усилія представителей его принесли не только временныя плоды, неимѣющіе никакого значенія для нашего времени, напротивъ, преслѣдуя общепольныя цѣли,

занявъ мѣсто въ ряду социальныхъ институтовъ, имѣющихъ своею задачею общественный интересъ, тюрьма политическаго періода—пенитенціарій, колоніи и школы для малолѣтнихъ и т. п. виды ея — стала на почву человѣколюбиваго отношенія къ узникамъ, такъ какъ опытъ болѣе и болѣе доказывалъ, что лишь подъ этимъ условіемъ можно получить хорошихъ людей, а не только хорошихъ арестантовъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай не разъ встрѣтиться съ фактическими доказательствами этой мысли. Политическій періодъ тюрьмы наиболѣе богатъ литературною разработкою, и множество почтенныхъ дѣятелей различныхъ странъ сложились своими трудами и усиліями въ рѣшеніе интересовавшаго всѣхъ вопроса о рациональной постановкѣ наказанія вообще и лишенія свободы въ частности. Моро-Кристофъ, Беранже, Шарль-Люка, Фоше, Феррю, Ларошфуко-Ліанкуръ во Франціи; Крауфордъ, капит. Меконоки, Крафтонъ, миссъ Мэри Карпентеръ, миссъ Флоренсъ Гилль и ея отецъ въ Англіи; Миттермайеръ, Гольцендорфъ, Редеръ, Занеманъ, Обермайеръ, Вэхтеръ, д'Аливжъ и Эккертъ въ Германіи; Минтелли, Бельтрани-Сколіа, Фореста въ Италіи; Дюкпексъ, одинъ написавшій цѣлую бібліотеку о тюремной реформѣ въ Бельгіи; Обанель, Грелле-Вамми, Госсе, Пико, Мозеръ и Кюне въ Швейцаріи; принцъ Оскаръ въ Швеціи,—это только маленькая часть важнѣйшихъ дѣятелей, работавшихъ по тюремному дѣлу. Пропуская ихъ работы, обходя молчаніемъ ихъ изслѣдованія, программа нашихъ университетскихъ чтеній до сихъ поръ представляла весьма замѣтный пробѣлъ, восполнить который было бы желательно, хотя бы для того, чтобы ознакомиться съ одною изъ значительныхъ и важныхъ частей литературы уголовнаго права.

Однако, далеко не одно это соображеніе руководило юридическимъ факультетомъ с.-петербургскаго университета, когда онъ изъявилъ согласіе на прочтеніе спеціальнаго курса тюремновѣдѣнія. Относительно себя я также могу сказать, что едвали оно послужило бы мнѣ достаточнымъ стимуломъ обременять васъ нѣсколькими лишними лекціями. Есть многое въ исторіи мысли, что преспокойно можно обойти въ университет-

ских курсахъ, такъ какъ оно прошло безслѣдно и не имѣетъ ни научнаго, ни практическаго значенія для нашего времени. Писались, напр., въ старину обширные трактаты о пыткѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ университетѣ можно открыть курсъ пытковѣдѣнія. Совершенно иной характеръ носитъ разработка тюремнаго вопроса. Для нашей эпохи, лишеніе свободы есть основная форма наказанія. По приблизительнымъ вычисленіямъ, сдѣланнымъ мною, оказывается, что теперь во всѣ европейскія тюрьмы ежегодно поступаетъ и содержится въ нихъ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени около двухъ милліоновъ лицъ обоюга пола, въ томъ числѣ на Россію приходится, хотя и сравнительно скромная, но все-таки почтенная цифра — болѣе чѣмъ въ 200.000 человекъ. Не вправѣ ли ждать университета отъ молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшему образованію, самаго тщательнаго вниманія къ участи этого громаднаго контингента?

Кромѣ того есть еще одно соображеніе, важность котораго, надѣюсь, также не оспоримо и основываясь на которомъ юридическій факультетъ счелъ положительно необходимымъ теперь же ввести курсъ тюремовѣдѣнія въ университетскую программу. На западѣ тюрьма уже сдѣлала множество успѣховъ, испытала множество опытовъ, которые или уже привели къ рѣшенію тюремнаго вопроса, или по крайней мѣрѣ дали богатый матеріалъ для рѣшенія его. Тамъ уже успѣли выработаться прочныя общія начала, которыя должна преслѣдовать тюрьма, если она желаетъ претендовать на доставленіе пользы обществу и своимъ узникамъ, указаны даже мѣры, наиболѣе цѣлесообразныя для осуществленія этихъ началъ. Совершенно иную картину представляетъ тюрьма русская. Стоитъ она страшно дорого, обходясь государству ежегодно почти въ 11 милліоновъ рублей, не считая издержекъ на тюремно-ссылочную систему, отбываемую внѣ Россіи¹⁾, — въ то время какъ во Франціи, гдѣ число ежегодно поступаю-

¹⁾ Юберовъ, матеріалы для тюремной статистики Россіи, стр. 11, 261 и 272.

щихъ арестантовъ больше чѣмъ въ Россіи (хотя цифра средняго населенія меньше), тюрьмы и вся пересылочная часть обходятся менѣе 4 милліоновъ рублей ¹⁾, а въ Англіи съ Уэльсомъ, почти при той же цифрѣ тюремнаго населенія, но за то при гораздо болѣе рациональной и, повидимому, гораздо болѣе дорогостоящей системѣ содержанія, всѣ тюрьмы ежегодно обходятся государству дешевле 5¹/₂ милліоновъ руб. ²⁾. Между тѣмъ, чтоже слышно о нашей тюрьмѣ? Само правительство не можетъ сказать о ней добраго слова и называетъ ее школою разврата и злодѣяній, убійственнымъ мѣстомъ для неиспорченныхъ, теплымъ уголкомъ для закоренѣлыхъ преступниковъ, гарантирующимъ для нихъ карты и вино, спены разгула и разврата. Въ замѣчательномъ трудѣ м—ва внутреннихъ дѣлъ о состояніи русскихъ тюремъ, изданномъ въ 1866 году подъ заглавіемъ «матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи», находится такое изнаніе министерства о нашихъ тюрьмахъ: «Первыя собранныя свѣдѣнія обнаружили, въ общихъ чертахъ, разные недостатки. Главнѣйшими изъ нихъ оказались: поразительная тѣснота въ тюрьмѣ, совмѣстное содержаніе заключенныхъ и ихъ праздность. Первая препятствовала не только подраздѣленію арестантовъ по родамъ и категоріямъ ихъ преступле-

¹⁾ Statistique des établissements pénitentiaires en France за годы 1865—1869.

²⁾ По вычисленіямъ г. Юэрова, общее число ежегодно поступающихъ и содержавшихся въ нашихъ тюрьмахъ было 195,439 человекъ; теперь эта цифра значительно поднялась, но я беру ее, такъ какъ вычисленіе государственныхъ расходовъ основано на ней. Въ Англіи и Уэльсѣ, по статистикѣ 1870 г., число поступившихъ и содержавшихся въ земскихъ тюрьмахъ мужчинъ и женщинъ было 168,134, а въ каторжныхъ тюрьмахъ—23,290, всего 191,424. Валовой расходъ на земскія тюрьмы за это время составлялъ 667,486 фунт. стерл.; на каторжныя, за вычетомъ суммы, доставленной трудомъ арестантовъ, издержано 113,054 ф. стерл. Хотя земскія тюрьмы также снабжаютъ арестантовъ производительною работою, но цѣны стоимости ея не имѣется, принявъ поэтому валовой расходъ на земскія тюрьмы за действительную на нихъ затрату государствомъ и сложивъ его съ чистымъ расходомъ на каторжныя тюрьмы, мы получимъ 780,540 фунт. стерл. всѣхъ издержекъ на земскія и каторжныя тюрьмы. Считая фунтъ стерлинговъ за 7 руб., мы получаемъ 5,463,780 руб. ежегодной затраты на англо-уэльскія тюрьмы. Въ действительности она гораздо меньше.

ній, но даже по полу и возрасту; второе сопровождалось всегда множеством беспорядковъ, а праздность развивала между заключенными одинъ развратъ». Правительство не могло не обратить вниманія на такое печальное положеніе дѣла и принимало различныя мѣры въ видахъ улучшенія его. Въ 1863 году министерство внутреннихъ дѣлъ командировало за границу гг. Галкина и Пассека для изученія на мѣстѣ тюремной реформы, и вмѣстѣ съ тѣмъ приняло мѣры къ изученію отечественныхъ тюремъ. Въ 1871 году, по Высочайшему повелѣнію, образована коммисія подъ предсѣдательствомъ графа Соллогуба, бывшаго начальника московскаго исправительнаго дома, которой было поручено изучить состояніе тюремнаго дѣла и заняться реформою его, примѣнительно къ русскимъ условіямъ. Труды этой коммисіи закончились проектомъ положенія о тюрьмахъ, который затѣмъ переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Все это говорить, что тюремная реформа уже близка для Россіи.

Таковы основанія, по которымъ университетъ включилъ въ этомъ году спеціальный курсъ тюремовѣдѣнія въ свою программу. Я долженъ сказать теперь пару словъ о томъ, что я буду излагать въ своемъ курсѣ и какъ я буду излагать его.

Вопросъ о содержаніи курса не представляетъ затрудненій. Какъ часть пенологіи, тюремовѣдѣніе занимается одною изъ мѣръ, къ которой прибѣгаетъ общество для борьбы съ преступностью. Только съ этой точки зрѣнія интересуетъ насъ лишеніе свободы; поэтому, въ мой курсъ не войдетъ ни слова о тюрьмахъ для неисправныхъ должниковъ и о мѣстахъ заключенія, примѣняемыхъ иными органами, кромѣ органовъ уголовной судебной власти. Но можно ли ограничиться исключительно тюрьмами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. мѣстами заключенія, которыя окружены стѣнами и гдѣ узники сидятъ за замкомъ, а, съ другой стороны, можно ли останавливаться только на тюрьмахъ карательныхъ? Я полагаю, что приведенная мною точка зрѣнія не даетъ никакого права дѣлать подобныя ограниченія. Совершая преступленіе,

лице принимает на себя обязанность вознаградить общество за нанесенный имъ нравственный, экономическій и интеллектуальный вредъ; обязанность эта отбывается въ томъ смыслѣ, что преступникъ предоставляет обществу различныя блага, принадлежащія ему. Поэтому-то наказаніе всегда есть лишеніе для наказываемаго, и въ этомъ его качествѣ лежитъ карательный характеръ избираемыхъ имъ мѣръ, ихъ устрашительный элементъ. Блага, предоставленныя преступникомъ обществу, могутъ быть весьма разнообразны и допускаютъ обширную систему каръ: благо жизни — смертную казнь; блага тѣлесной неприкосновенности — наказанія членовредительныя и тѣлесныя; обладаніе извѣстными правами, принадлежащими членамъ общества — лишеніе правъ и чести; блага имущественныя — конфискацію и денежныя взыскація въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ; благо свободы передвиженія и дѣятельности — лишеніе свободы; благо внутренней индивидуальной независимости — замѣчанія, выговоры, внушенія и церковныя мѣры дисциплины. Съ точки зрѣнія устрашенія важно только, чтобы отнятіе этихъ благъ было дѣйствительнымъ лишеніемъ для всѣхъ лицъ, къ которымъ оно примѣняется, — что зависитъ, конечно, какъ отъ возможности для государства располагать ими, такъ и отъ доставленія ими для ихъ обладателей какихъ-либо конкретныхъ, нравственныхъ или юридическихъ, частныхъ или общественныхъ выгодъ. Въ противномъ случаѣ, лишеніе ихъ нечувствительно и кара, выбирающая ихъ, перестаетъ быть карою. Но, остановившись на одномъ изъ этихъ благъ, государство избираетъ такія формы лишенія его, которыя наиболѣе удовлетворяютъ разнымъ потребностямъ, сознаннымъ въ данный моментъ его культурно-историческаго развитія. Лишеніе свободы въ этомъ отношеніи — мѣра самая благодарная по своей гибкости и потому, что она даетъ возможность примѣнять относительно заключенныхъ мѣры вліянія продолжительнаго, общающаго и продолжительные результаты. Она могла избрать себѣ задачей — возвратить въ общественную среду такихъ лицъ, которыя не представлялись бы для него опасными элементами, а, напротивъ, полезными

единицами общежитія къ своей и общественной выгодѣ. Но, примѣняясь къ громадной массѣ лицъ, представляющихъ рѣзкія особенности и по роду совершеннаго преступленія, и по обстановкѣ житейской, и по индивидуальному характеру, она должна была избрать и разнообразныя формы проявленія. Тюрьма, гдѣ арестанты постоянно сидятъ за замкомъ, далеко не исчерпываетъ всѣхъ этихъ формъ; есть тюрьмы, узники которыхъ работаютъ на открытыхъ мѣстахъ, оберегаемые лишь караульною стражею. Возможно представить себѣ также такую форму лишенія свободы, при которой наказываемый имѣетъ предѣлами свободы своего передвиженія не стѣны тюрьмы, а границы опредѣленной мѣстности, назначенной ему судомъ, и оставлять которую онъ не вправѣ. Даже безъ стѣнъ и замковъ это наказаніе есть видъ лишенія свободы и потому входитъ въ область тюремовѣдѣнія; поѣтому-то предлагаемый курсъ вноситъ ссылку въ предметъ своего изложенія. — Точно также отрицательный отвѣтъ долженъ быть данъ и на вторую часть поставленнаго вопроса. Лишеніе свободы по судебному приговору есть одинъ изъ видовъ борьбы съ преступностью, но имъ далеко не можетъ быть исчерпана эта задача: не говоря уже о массѣ различныхъ социальныхъ мѣръ, необходимыхъ для этой цѣли, имѣющихъ общій характеръ, съ тюрьмою карательною весьма тѣсно связаны мѣры, которыя примѣняются противъ преступности *до* и *послѣ* отбытія наказанія, которыя необходимы для успѣшнаго дѣйствія тюрьмы и потому не могутъ быть обойдены при изложеніи тюремовѣдѣнія. Таковы, съ одной стороны, тюрьма подслѣдственная, съ другой — полицейскій надзоръ какъ послѣдствіе наказанія или преступленія, попечительная дѣятельность объ освобожденныхъ и подобныя имъ мѣры.

Перехожу теперь къ системѣ курса. О догматическомъ изложеніи тюремовѣдѣнія, которое бы опиралось на законодательный матеріалъ Россіи какъ на непреоборимую твердыню, здѣсь нечего и думать: существующее скоро не будетъ существовать, новое еще не успѣло вылиться въ слова закона. Къ тюремовѣдѣнію можно примѣнить лишь одну изъ слѣдующихъ

системъ. Установивъ общее понятіе наказанія и задачи его, можно бы дедуктивнымъ путемъ построить отвлеченную теорію тюрьмы, указать ея цѣли, ея значеніе въ ряду другихъ наказаній и ея формы, извѣстныя дѣйствительной жизни. Но этотъ методъ обработки и эта система изложенія не отвѣчаютъ потребностямъ тюремовѣдѣнія, какъ отрасли строго практическаго знанія. Съ другой стороны, можно слѣдить историческое движеніе тюремнаго дѣла въ каждой странѣ, изучать его успѣхи, мѣры, выработанныя каждымъ государствомъ, и результаты, добытыя ими. Эта система имѣетъ то важное преимущество предъ всѣми другими, что она даетъ возможность объять развитіе въ каждой странѣ вопроса о тюрьмахъ во всей его цѣльности, прослѣдить всѣ факторы, вызвавшіе ту или другую мѣру, и всѣ условія, создавшія опредѣленные результаты. Однако, я не счелъ возможнымъ остановиться и на этой системѣ. Задача предлагаемаго курса—по преимуществу практическая; не философію тюремной исторіи различныхъ государствъ, а изложеніе суммы знаній по тюремному вопросу примѣнительно къ насущнымъ русскимъ потребностямъ—вотъ что я имѣю въ виду. Глядя на предметъ съ этой точки зрѣнія, не трудно замѣтить, что матерьялы по тюремному вопросу предлагаютъ указанія нѣкоторыхъ началь, выработанныхъ опытомъ тюремной дѣятельности, и общихъ мѣръ, примѣняемыхъ тюрьмами въ видахъ борьбы съ преступностью. Собранныя въ одно гармоническое цѣлое, они образуютъ опытную теорію тюрьмы. Хотя въ различныхъ государствахъ обрисовка ихъ далеко не одинакова, но это нисколько не мѣшаетъ слѣдить ихъ всюду и получить представленіе о ихъ цѣлесообразности на основаніи сравнительнаго анализа результатовъ, даваемыхъ ими. Примѣняя эту систему, я дѣлю мой курсъ на три части. Первая трактуетъ объ общихъ задачахъ и мѣрахъ тюремной дѣятельности, выясненныхъ опытомъ ея. Здѣсь я слѣжу карательныя, предупредительныя, исправительно-воспитательныя и санитарныя задачи тюрьмы, поясняя ихъ ученіями объ общихъ мѣрахъ, созданныхъ тюремною политикой, именно о тюремной работѣ, тюремномъ образованіи и воспитаніи, тю-

ремной дисциплинѣ и тюремной архитектурѣ, облегчающей успѣшное примѣненіе ихъ. Это составляетъ предметъ перваго отдѣла, «о тюремномъ содержаніи». Во второмъ я перехожу къ способамъ тюремнаго содержанія, останавливаясь на различныхъ тюремныхъ системахъ, слѣдя ихъ въ историческомъ развитіи и сообщая добытые ими результаты. Слѣдующій за тѣмъ отдѣлъ первой части говоритъ о классификаціи тюремъ, останавливаясь на общихъ и особенныхъ видахъ ихъ. Наконецъ, мѣры борьбы съ преступностью, связанныя съ тюрьмою, но примѣняемыя до наказанія или по отбытіи его, составляютъ содержаніе четвертаго отдѣла первой части. Ученіе о ссылкѣ представляетъ много особенностей и потому составить предметъ самостоятельной, второй части. Наконецъ—въ третьей части я намѣренъ изложить ученіе о тюремной организаціи. Хотя практика тюремныхъ мѣръ уже предполагаетъ тюремную организацію, но ученіе о ней я считаю необходимымъ сообщить позже, потому что начала тюремной дѣятельности оказываютъ весьма важное вліяніе на тюремную организацію и безъ знакомства съ ними многое въ ученіи о послѣдней остается темнымъ. Содержаніе этой части образуютъ тюремное управленіе, тюремный надзоръ и органы тюремнаго попечительства.

Ив. Фойницкій.